Правовые последствия становления финансовой контркультуры

АКОПЯН Оганес Арменович, старший научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: fin@izak.ru

В работе рассматриваются последствия распространения новых цифровых технологий для правового регулирования финансовой сферы. Анализируются условия формирования новой культуры в финансовой сфере — культуры частных денег и ее последствия в контексте глобалистских тенденций. Рассматриваются позиции российских и зарубежных ученых относительно перспектив правового регулирования «цифровых денег», криптовалюты, альтернативных платежных средств. Перечисляются сферы правового регулирования, которые в первую очередь будут подвергнуты изменениям в результате применения технологии «блокчейн». Затрагиваются проблемы легитимации криптовалют. Автор размышляет о пользе децентрализации в регулировании рассматриваемых сфер.

Методологическую основу исследования составили диалектический метод научного познания, а также общенаучные и специальные методы: системно-структурный, сравнительно-правовой, логический, наблюдение, описание, статистический.

Результаты научного исследования заключаются в обобщении исследованного материала и описания перспектив развития и применения технологии «блокчейн» для финансово-правовой сферы и государственного регулирования в целом.

Ключевые слова: блокчейн, финансовое право, централизация, контркультура, правовая культура, технический прогресс, потребление, глобализация.

Legal Consequences of the Formation of a Financial Counterculture

O. A. AKOPYAN, senior research fellow of the Department of financial, tax and budget legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, candidate of legal sciences

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: fin@izak.ru

The paper deals with the consequences of new digital technologies expansion for the financial sphere regulation. The author analyzes the conditions for the formation of a new culture in the financial sphere — the culture of private funds and its consequences in the context of globalist trends. The article analyzes the positions of Russian and foreign scholars on the prospects of regulating "digital money", cryptocurrency and alternative means of payment. The paper lists the areas of regulation, which will be primarily subject to changes as a result of using a blockchain technology. The cryptocurrency legitimation issues are touched upon. The author also reflects on the benefits of decentralizing regulation in these areas. It also refers to the opposition of those? Who support centralization and decentralization in the financial sector. In this paper, special attention is paid to blockchain technology, because of its special importance for the prospects of state to regulate financial environment and any other one, amenable to decentralization. The polar positions of scholars (lawyers, philosophers, economists) concerning the nature of this phenomenon (blockchain) are given.

The methodological basis of the research is the dialectical method of scientific knowledge, as well as general scientific and special methods: system-structural, comparative legal, logical, observation, description, statistical.

The results of the research summarize the literature analysed and describe prospects for developing and applying the blockchain technology for the financial legal sphere and state regulation in general.

Keywords: blockchain, financial law, centralization, counterculture, legal culture, technical progress, consumption, globalization.

DOI: 10.12737/art_2019_4_7

Совсем недавно, пять — семь лет назад, утверждение о том, что криптовалюты и прочие альтернативные платежные средства начнут повсеместно завоевывать доверие населения, а широта использования приблизится к фиатным (фидуциарным) деньгам, вызывало удивление. Сегодня это представляется лишь вопросом времени.

Очевидно, что становление современной системы расчетов с помощью криптовалют (в частности, биткоинов) на основе технологии блокчейн — это результат технического прогресса. Блокчейн призван запустить процессы глобализации в мире на новый, невиданный ранее уровень, последствия такой глобализации еще предстоит осмыслить. Логично, что инновации нередко способствуют процессам глобализации. Яркий пример — изобретение и повсеместное внедрение Интернета. Последствия этого для становления современного мира с несоизмеримо более высоким уровнем глобализованности, чем до появления Интернета, огромны. Появление блокчейна часто сравнивают по значимости с созданием Интернета. Последствия появления блокчейна для последующих этапов глобализации сегодня оценить сложно, но они будут очень значительными. На этапе появления и зарождения «глобальной паутины» трудно было предсказать появление современных социальных сетей, мессенджеров с высоким уровнем шифрования, фактически уничтоживших традиционную телефонную связь, глобальных видеосервисов, заставивших пересмотреть роль телевидения и подход к изготовлению видеоконтента.

Представляется важным коснуться различных аспектов понятия и теории прогресса. Есть разные

подходы ученых-философов к данной категории. Данный дискурс призван дать ответ на те вопросы, которые встают перед обществом в свете неизбежных, но не всегда желанных (нередко ввиду их высокой скорости) изменений.

Появление блокчейна называют четвертой промышленной революцией¹ ввиду глубоких изменений технологического уклада, которые влечет его повсеместное внедрение.

Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор в исследовании, посвященном вопросам правового регулирования цифровой экономики, высказывают точку зрения, что в условиях новой «цифровой» реальности не только создается новый способ производства, складываются предпосылки для перехода к новой общественно-экономической формации, реформированию общественных отношений и их правовой регуляции, но и формируется новое мировоззрение, новое миропонимание, гораздо более многомерное, чем в предшествующие периоды человеческой истории².

По мнению М. И. Столбова, блокчейн принципиально изменит организацию биржевой торговли, инвестиционное и коммерческое банковское дело, страхование, аудит, подходы к корпоративному управлению, а также финансовый анализ.

При этом финансово-правовое обеспечение вышеназванных сфер фактически сохранится без изменений ввиду особенностей, заложенных в основу технологии «блокчейн». Государствам остается лишь

¹ См.: Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2016.

² См.: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 91.

признать криптовалюту законным платежным средством или продолжать дискуссию о ее правовой природе сколь угодно долго, в то время как фиатные деньги из секторов экономики будут вымываться в цифровую среду.

В то же время у новой финансовой архитектуры, которой еще только предстоит сформироваться, есть ряд преимуществ.

Так, если предположить, что суверенные цифровые деньги смогут конкурировать с традиционными и в конечном счете заместят их, то это также упростит реализацию мандата центрального банка в части обеспечения финансовой стабильности. При сценарии полного вытеснения традиционных компонентов денежной базы суверенными цифровыми деньгами исключаются «набеги на банки» и отпадает необходимость в государственной системе страхования вкладов³. Однако активное внедрение расчетов в криптовалюте может повлечь отток депозитов из коммерческих банков с предсказуемыми последствиями для всей финансовой системы в целом.

Так будет происходить и в ряде других сфер, которые окажутся затронутыми децентрализацией; вместе с сокращением возможностей для государственного контроля будет снижаться уровень ответственности государства, а вместе с ней и возможности правовой защиты (например, судебной) правоотношений, которые подвергаются такого рода дерегулированию, посредством их цифровизации на основе блокчейн.

Таким образом, блокчейн-технологии обещают значительные изменения в финансовом секторе. Их внедрение должно повлечь существенное снижение издержек, связанных с функционированием фи-

нансовых посредников и рынков. Децентрализация взаимодействия экономических агентов и устранение избыточных расходов, связанных со многими финансовыми трансакциями, может создать предпосылки для более интенсивной конкуренции среди действующих финансовых институтов и снижения входных барьеров для новых игроков. В перспективе это позволит перейти от преимущественно олигополистической структуры финансового сектора в большинстве стран к более конкурентной структуре — состязательному рынку, где могут присутствовать крупные финансовые институты, но их рыночная власть ограничена угрозой практически беспрепятственного входа более гибких, инновационно-ориентированных новичков⁴. Тем не менее для практической реализации такого сценария и достижения заметного выигрыша в общественном благосостоянии необходимо адекватное управление рисками, связанными с цифровыми финансовыми инновациями, особенно в части допуска к свободному обращению и регулированию инвестиций в криптовалюты⁵.

Таким образом, из вышеприведенной рекомендации следует, что финансово-правовое регулирование в краткосрочной перспективе будет смещаться в сферу регулирования инвестиционной деятельности в блокчейн-технологии, что представляется целесообразным, так как на данной стадии движение финансовых потоков легче подвергнуть соответствующему правовому регулированию и контролю.

Также существует противоположная точка зрения, согласно которой альтернативным платежным средствам не найдется места в со-

³ См.: Столбов М. И. О некоторых последствиях внедрения блокчейна // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 143.

⁴ См.: He D., Leskow R., Haksar V. et al. Fintech and Financial Services: Initial Considerations. IMF Staff Discussion Note, 2017, no. 17/05.

⁵ См.: Столбов М. И. Указ. соч. С. 144.

временной финансовой системе. Об этом ниже.

Существует мнение, что криптовалюта выступает побочным продуктом развития финансовых технологий. Она не обладает свойствами, полезными для производства и потребления, не формирует требований и обязательств, ничем и никем не обеспечена. Никто не отвечает за ее состояние. В силу этого объективно отсутствуют условия для защиты интересов владельцев криптовалюты, несущих все риски такого владения.

И. И. Кучеров утверждает, что альтернативные платежные средства по своей правовой природе являются денежными суррогатами, поскольку их выпуск не осуществляется уполномоченными государственными органами и не санкционирован государством. Таким образом, на сегодняшний день эмиссия альтернативных платежных средств в каких бы то ни было виде и форме не имеет должного правового основания⁶.

По своей природе криптовалюта не может быть признана имуществом, финансовым инструментом, а также товарными, кредитными, фиатными и частными деньгами. Она представляет собой новую разновидность фидуциарных денег, основания для доверия которым отсутствуют. Это денежный суррогат «нового поколения». Основной формой существования криптовалюты выступает финансовая пирамида.

Легализация криптовалюты ведет к росту рисков, в том числе системных. Работа по поиску эффективных методов защиты от системных рисков, исходящих от криптовалюты, ведется недостаточно активно. При определении перспектив регулирования усилия направлены преимуще-

ственно на поиск возможностей встроить ее в существующий экономический оборот⁷.

Вышеприведенная позиция говорит о том, что предпринимается попытка осмыслить феномен появления блокчейна и как результат криптовалюты, как очередной этап глобальной консьюмеристской экспансии, что, по мнению автора статьи, не до конца справедливо.

За последние несколько лет появился цикл публикаций в авторитетных академических изданиях по теме антикультурности современной цивилизации, регресса культуры в результате инновационных преобразований в технологическом укладе западных стран.

Так, А. Н. Ильин пишет: «Культура консьюмеризма представляет собой удар по социально- и человекоосозидающим ценностям. Ее глобальное распространение подрывает жизнестойкость национальных культур»⁸.

«Жизнестойкость национальных культур» традиционно оказывается в основном фокусе внимания авторов подобного рода высказываний, так как опыт прошлых технических революций убедительно доказывает, что инновации неумолимо сокращают регулятивные возможности (способности) государств в широком смысле. При этом качество регулирования общественных отношений при их опосредовании цифровыми технологиями, такими как блокчейн, должно многократно увеличиваться.

Высказывается точка зрения, что потребительский интерес является доминантной целью технического развития⁹. Данное утверждение

⁷ См.: Симаковский А. Ю. К вопросу об экономической природе криптовалюты // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 141.

⁸ Ильин А. Н. Консьюмеризм как фактор антикультурной инновационности // Вопросы философии. 2018.

⁹ См.: Чешев В. В. Технический прогресс в культурно-историческом контексте // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 77.

⁶ См.: Кучеров И. И. Криптовалюта (идеи правовой идентификации и легитимации альтернативных платежных средств): монография. М., 2018. С. 60—61.

представляется не бесспорным, так как идея прогресса постоянно диверсифицируется. Ощущение противоположности альтернатив, содержащихся в историческом развитии, находит отражение в непрекращающейся дискуссии ученых, которая питается оптимистическим и пессимистическим подходами к восприятию прогресса.

Много говорится о том, что в возникновении кризиса, который ныне переживают общественные системы, не вписывающиеся в объективные глобальные процессы, значительная роль принадлежит общественным институтам, прежде всего связанным с материальной основой мирового сообщества.

Р. Х. Симонян обосновывает, что основной причиной кризиса нынешнего этапа глобализации является доминирующая в современном мире неолиберальная модель экономики, так как эта модель способствует поляризации общества по ряду оснований.

Можно согласиться с указанным автором, что массовое сознание является и общественным институтом, так как проявляется в верованиях, убеждениях, традициях, и источником политической воли, так как проявляется в ориентациях и установках, ибо произойти может только то, что содержится в головах людей. Поэтому протестное поведение масс также можно отнести к субъективным факторам кризиса современного этапа глобализации¹⁰.

Представляется, что термин «антикультурность», используемый вышеприведенными авторами, следовало бы заменить на «контркультурность», так как данный термин точнее отражает процессы, происходящие в мире. В контексте настоящего исследования контркультура — это культура, противоположная по смыслу той, которая ле-

жит в основе правовой культуры национальных государств, оказавшихся наиболее уязвимыми перед новыми технологическими укладами.

Действительно, виртуальное пространство — новое по историческим меркам явление, находящееся в процессе технологического и общественного развития, последствия которого (в том числе правовые) в большинстве случаев трудно прогнозировать. Таким образом, определение виртуального пространства можно дополнить еще одним признаком, характеризующим эту сферу взаимодействия общества, технологий, информации и права, — правовой неопределенностью, связанной с высокой скоростью развития и внедрения технологических решений, требующих быстрой экономической отдачи.

Слабое регулятивное воздействие правовых норм и правовая неопределенность связаны не только с постоянным изменением виртуального пространства, но и с неопределенностью границ, которые в виртуальном пространстве не совпадают ни с территориальными государственными границами, ни с нормативно закрепленным разграничением ролей, или компетенций, субъектов общественных отношений¹¹.

Традиционно принято считать, что становление правового государства невозможно без развития правовой культуры общества. Процесс формирования правового государства во многом зависит от создания действенной системы правового просвещения граждан в различных сферах жизнедеятельности. Законопослушным, добросовестным гражданином может быть человек, у которого сформировалось правильное правовое сознание, высокий уровень правовой культуры. Правовое сознание общества, отдельных

¹⁰ См.: Симонян Р. Х. Кризис либерально-рыночной модели глобализации // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 23.

¹¹ См.: Правовое пространство: границы и динамика: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2019. С. 32—33.

групп, индивидов органично связано с правом как целостным социальным институтом, с его возникновением, функционированием и развитием, с правотворчеством и правоприменением, иными сторонами правового бытия общества. Правосознание придает общественному сознанию характер рациональности, сознания «здравого смысла». Растет роль и ценность права как основной регулятивной системы, которая формирует цивилизованное общежитие человечества. Соответственно, совершенствуется и юридическое мировоззрение, которое становится условием благополучного существования индивида, его коллективных образований, общества¹².

Трудно представить сегодня все последствия применения данной технологии, но блокчейн способен перевернуть традиционные представления о правовой культуре, так как человек оказывается один на один с цифровой технологией, которая по своему потенциалу способна упорядочить (структурировать) отношения в различных сферах, не прибегая при этом к правовому инструментарию. Технология «блокчейн» и производные от нее криптовалюты своей высокой популярностью обязаны именно «глобалистским» тенденциям, которые преобладают в обществе последние десятилетия, особенно в экономической сфере. В связи с этим термин «контркультурность» следует рассматривать в смысле возникновения абсолютно новой финансово-экономической культуры в отношении нового экономического порядка (блокчейн), не нуждающегося в специальном финансово-правовом регулировании, так как он сам является собой разновидность регулирования (саморегулирования), будучи

способным реализовать принцип гласности, прозрачности и транспарентности финансовых транзакций (будь то публичные финансы или частный банковский сектор), переводя регулирование вышеперечисленных общественных отношений на недостижимый для правительственных (государственных) регуляторов качественно иной уровень в силу технологии, заложенной в его основе.

Более того, феномен контркультурности во многом объясняет популярность и повсеместное увлечение альтернативными платежными средствами, несмотря на их высокую волатильность, так как последствия этого явления оказываются чрезвычайно разнообразными. Речь идет о возможности беспрепятственно финансировать сферы отношений, оказавшихся под запретом или намеренно излишне «зерегулированных» правительствами стран с целью ограничения прироста новых знаний и воспрепятствования той или иной деятельности (политика, наука, культура, искусство), которые приводили бы к нежелательным для некоторых государств общественным трансформациям.

Становление финансовой контркультуры способно оказать влияние на самые различные сферы общественных отношений в экономической сфере. Так, правовые решения в экономической сфере весьма разнообразны. Законодательство в сфере экономики является комплексным по составу, содержанию и способам регулирования. Преимущественно к этой сфере относятся гражданская, бюджетная, налоговая, земельная, банковская, трудовая и другие отрасли. Частично — административная, уголовная и иные отрасли. Устойчивое развитие экономики во многом зависит от эффективности ее государственного регулирования и применяемых юридических приемов. С их помощью достигается динамичный ба-

¹² См.: Мельников В. Ю. Значение правовой культуры для развития человека и гражданского общества // Культура: управление, экономика, право. 2016. № 3.

ланс государственного воздействия и экономической саморегуляции¹³.

Несомненно, альтернативные платежные средства вызывают значительную напряженность в обществе. И самая основная проблема — это противостояние централизации и децентрализации в вышеназванных сферах регулирования.

По мнению обозревателей П. Винья и М. Кейси, конфликт между этими двумя движениями неизбежен. С одной стороны, централизованный мир корпоративных финансов, концентрирующий власть и финансовые ресурсы, и с другой — мир, опирающийся на возможности личности. Эти два подхода смогут сосуществовать вместе при условии, что движение децентрализации не выйдет за пределы секторов экономики, свободных от доминирования крупного бизнеса. Однако сторонники децентрализации верят, что процесс децентрализации только начинается и со временем сметет с лица земли централизованный экономический и политический истеблишмент, даже правительства и национальные государства, которые представляют собой крайнее проявление централизации власти. Если это правда, то криптовалюты и блокчейн триумфально ворвутся в будущее¹⁴. Высказывание Д. Джонстона, которое в криптовалютном сообществе называют законом Джонстона, воплотится в жизнь: «Все, что поддается децентрализации, будет децентрализовано»¹⁵.

Другое дело, что финансовый сектор оказался наиболее подходящей и наглядной средой для демонстрации возможностей технологии на ос-

нове блокчейна. За финансовой сферой последуют другие.

Криптовалюты — это пример того, как цифровая технология борется с контролем, исходящим от традиционной власти, в том числе от правительств.

Перемены указывают на ограниченность действий правительства в век скоростных инноваций. Финансовый кризис 2008 г. показал, что из-за скорости и сложности глобальной экономической системы традиционная централизованная выработка норм и правил, а также их применение являются в значительной степени неэффективными. Более строгое регулирование не является спасением. Правительства не в состоянии регулировать и контролировать каждый угол финансового рынка, технологического сообщества или экономики, потому что там слишком много игроков, инноваций и продуктов. Однако опыт показывает, что правительство может по крайней мере способствовать транспарентности, чтобы пролить свет на поведение игроков и что-то изменить. Правительства могут требовать, чтобы действия банков любой мог бы изучить в Интернете, и граждане и любые общественные объединения могли бы добавлять собственные данные и наблюдения. Правительства должны признать, что их роль в управлении блокчейном будет серьезно отличаться от их исторической роли в кредитно-денежной политике и финансовом регулировании.

Необходимо принять следующий факт: вместо того чтобы просто заниматься регулированием, правительства могут улучшить функционирование различных сфер, сделав их более транспарентными и способствуя вовлеченности граждан. И это будет не замена, а дополнение к существующим системам. В современном мире эффективное регулирование, а следовательно, и эффективное управление рождаются благодаря подходу многостороннего участия,

¹³ Тихомиров Ю. А. Управление на основе права. М., 2007. С. 118, 126.

¹⁴ Винья П., Кейси М. Эпоха криптовалют. Как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок. М., 2018. С. 356—357.

¹⁵ Johnston's Law. URL: <http://www.johnstonslaw.org/>.

при котором транспарентность и общественное участие ценятся больше и имеют больший вес при принятии решений. Впервые за всю историю человечества формируются негосударственные сети с многосторонним участием для решения глобальных проблем.

Благодаря самоорганизации можно добиться глобального сотрудничества, управления и решения проблем, причем прогресс будет более быстрым и значительным по сравнению с традиционными государственными институтами¹⁶.

Децентрализация не означает анархию или совершение противоправных действий. Это означает, что у индивидуального пользователя есть более широкие полномочия и меньше ограничений, что многие участники, многие бенефициары и многие лидеры работают в гармонии. Это не коммунизм и не версия киберпанковской фантастики. Децентрализация совершенствует капитализм, создавая новые уровни производства и создания стоимости.

Считается, что на блокчейне будут перемещаться ценности. Но можно пойти дальше и представить, как несколько блокчейнов взаимодействуют друг с другом, торгуют друг с другом, и можно ощутить совокупный сетевой эффект, потенциально более значимый, чем предыдущие поколения сетевых эффектов. Это будет эквивалент огромного сложения децентрализованных услуг, которые открыты и доступны для всех¹⁷.

Как писал лауреат Нобелевской премии, экономист и философ Ф. Хаек — «путь к функционирующей экономике или обществу — это децентрализация. Децентрализованная экономика дополняет дис-

персную природу информации, расширяемой в обществе»¹⁸.

Таким образом, основываясь на знаниях, которыми мы располагаем о блокчейне и криптовалютах, можно сделать вывод, что говорить о правовых последствиях этого явления преждевременно.

Уже имеется некоторая история неудачных попыток регулировать эмиссию криптовалюты на государственном уровне. Вместе с тем российские власти пока не спешат принимать специальное регулирование в этой сфере, наблюдая за активностью в данной сфере, что говорит о взвешенном и компетентном подходе к этой очень сложной и многогранной проблеме со стороны финансовых властей, так как попытка огородить инновации через введение новых правил в ситуации с блокчейном ведет к проблеме «незрелого регулирования»¹⁹.

Российские специалисты в сфере финансового права И. И. Кучеров и И. А. Хаванова приводят свой научный анализ, который подтверждает, что законодательные акты зачастую не успевают за изменениями общественной жизни и техническим прогрессом. Также очевидно, что традиционные методы противодействия уходу от налогов неэффективны, когда речь идет об операциях в виртуальном пространстве²⁰. Национальные регуляторы и фискальные органы находятся еще только в стадии осмысления проблем, которые возникают в виртуальном мире, в том числе проблем, связанных с использованием виртуальных валют²¹.

¹⁸ Hayek F. The Use of Knowledge in Society. 1945. URL: http://www.kysq.org/docs/Hayek_45.pdf.

¹⁹ См.: *Танскотт Д.* Указ. соч.

²⁰ См.: *Marian O.* Are Cryptocurrencies Super Tax Havens? // *Michigan Law Review First Impressions*, 2013, vol. 112, pp. 38—47.

²¹ См.: *Кучеров И. И., Хаванова И. А.* Налоговые последствия использования альтернативных платежных средств (теоретико-правовые аспекты) // *Вестник Перм-*

¹⁶ См.: *Танскотт Д.* Технология блокчейн: то, что движет финансовой революцией сегодня. М., 2018. С. 380—383.

¹⁷ См.: *Могайар У.* Блокчейн для бизнеса. М., 2018. С. 178—179.

В информационном письме Росфинмониторинга говорится: так как процесс выпуска и обращения наиболее распространенных криптовалют полностью децентрализован, то отсутствует возможность его регулирования, в том числе со стороны государства. Более того, использование криптовалют при совершении сделок является основанием для рассмотрения вопроса об отнесении таких сделок (операций) к сделкам (операциям), направленным на легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма²².

В связи с этим представляется справедливой следующая мысль. Активное стимулирование технического прогресса началось в промышленной стадии развития, когда общество осознанно приняло его как средство дальнейшего исторического движения. Интенсификация технического развития в этот период опиралась на своеобразный культурно-исторический консенсус, мировоззренческим фундаментом которого была концепция че-

ского университета. Юридические науки. 2017. № 1. С. 66—72.

²² Текст документа приведен по состоянию на 6 февраля 2014 г. в соответствии с публикацией на сайте: URL: <http://fedsfm.ru/>.

ловека как самодостаточного индивида, стремящегося к максимизации пользы, и концепция прогресса как наращивания материального могущества человека в ходе овладения силами природы. В результате такого развития сложились социальные структуры общества потребления. Сегодня они сталкиваются со сложными проблемами, порожденными постиндустриальной технологической революцией. Внутренне несоответствие масштабов технического роста и смысложизненных целей общества может быть преодолено с помощью нового культурно-исторического консенсуса, способного соединить технический прогресс с постиндустриальным развитием человечества. Такое общественное соглашение требует новой этики, новых социальных структур, новой элиты²³.

По вышеприведенным размышлениям можно сделать вывод, что блокчейн не является технологией, совершенствующей некий процесс, а скорее по своему максимальному потенциалу является подрывной технологией; и это необходимо учитывать, занимаясь вопросами ее реализации и встраивания в существующую правовую систему и представлений о праве.

²³ См.: Чешев В. В. Указ. соч. С. 64.

Библиографический список

- Hayek F. The Use of Knowledge in Society. 1945. URL: http://www.kysq.org/docs/Hayek_45.pdf.
- He D., Leskow R., Haksar V. et al. Fintech and Financial Services: Initial Considerations. IMF Staff Discussion Note, 2017, no. 17/05.
- Johnston's Law. URL: <http://www.johnstonslaw.org/>.
- Marian O. Are Cryptocurrencies Super Tax Havens? // Michigan Law Review First Impressions, 2013, vol. 112.
- Винья П., Кейси М. Эпоха криптовалют. Как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок. М., 2018.
- Ильин А. Н. Консюмеризм как фактор антикультурной инновационности // Вопросы философии. 2018.
- Кучеров И. И. Криптовалюта (идеи правовой идентификации и легитимации альтернативных платежных средств): монография. М., 2018.
- Кучеров И. И., Хаванова И. А. Налоговые последствия использования альтернативных платежных средств (теоретико-правовые аспекты) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 1.

Мельников В. Ю. Значение правовой культуры для развития человека и гражданского общества // *Культура: управление, экономика, право*. 2016. № 3.

Могайар У. Блокчейн для бизнеса. М., 2018.

Правовое пространство: границы и динамика: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2019.

Симановский А. Ю. К вопросу об экономической природе криптовалюты // *Вопросы экономики*. 2018. № 9. С. 141.

Симонян Р. Х. Кризис либерально-рыночной модели глобализации // *Вопросы философии*. 2018. № 8.

Столбов М. И. О некоторых последствиях внедрения блокчейна // *Вопросы экономики*. 2018. № 6.

Тапскотт Д. Технология блокчейн: то, что движет финансовой революцией сегодня. М., 2018.

Тихомиров Ю. А. Управление на основе права. М., 2007.

Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // *Журнал российского права*. 2018. № 1.

Чешев В. В. Технический прогресс в культурно-историческом контексте // *Вопросы философии*. 2017. № 12.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2016.

References

Cheshev V. V. Tekhnicheskiy progress v kulturno-istoricheskom kontekste [Technical Progress in the Cultural and Historical Context]. *Voprosy filosofii*, 2017, no. 12, pp. 64—78.

Hayek F. The Use of Knowledge in Society. 1945. Available at: http://www.kysq.org/docs/Hayek_45.pdf.

He D., Leskow R., Haksar V. et al. Fintech and Financial Services: Initial Considerations. IMF Staff Discussion Note, 2017, no. 17/05. Available at: <https://www.imfconnect.org/content/dam/imf/Spring-Annual%20Meetings/AM17/Documents%20and%20Publications/sdn1705.pdf>.

Ilin A. N. Konsyumerizm kak faktor antikulturnoy innovatsionnosti [Consumerism as a Factor of Anti-Cultural Innovation]. *Voprosy filosofii*, 2016, no. 4, pp. 171—180.

Johnston's Law. Available at: <http://www.johnstonslaw.org/>.

Khabrieva T. Y., Chernogor N. N. Pravo v usloviyakh tsifrovoy realnosti [The Right in the Digital Reality]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 1, pp. 85—102.

Kucherov I. I. Kriptovalyuta (idei pravovoy identifikatsii i legitimatsii alternativnykh platezhnykh sredstv [Cryptocurrency (ideas of legal identification and legitimation)]. Moscow, 2018. 204 p.

Kucherov I. I., Khavanova I. A. Nalogovye posledstviya ispolzovaniya alternativnykh platezhnykh sredstv (teoretiko-pravovye aspekty) [Tax Consequences of the Use of Alternative means of Payment (Theoretical and Legal Aspects)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2017, no. 1, pp. 66—72.

Marian O. Are Cryptocurrencies Super Tax Havens?. *Michigan Law Review First Impressions*, 2013, vol. 112. Available at: http://repository.law.umich.edu/mlr_fi/vol112/iss1/2?utm_source=repository.law.umich.edu%2Fmlr_fi%2Fvol112%2Fiss1%2F2&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages.

Melnikov V. Yu. Znachenie pravovoy kultury dlya razvitiya cheloveka i grazhdanskogo obshchestva [The Value of Legal culture for Human Development and Civil Society]. *Kultura: upravlenie, ekonomika, pravo*, 2016, no. 3, pp. 18—26.

Mogayar U. Blokcheyn dlya biznesa [The Business Blockchain: Promise, Practice and Application of the next internet technology]. Moscow, 2018. 224 p.

Pravovoe prostranstvo: granitsy i dinamika [Legal space: Boundaries and Dynamics]. Ed. by Yu. A. Tikhomirov. Moscow, 2019. 240 p.

Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow, 2016. 138 p.

Simanovskiy A. Yu. K voprosu ob ekonomicheskoy prirode kriptovalyuty [On the Economic Nature of Cryptocurrency]. *Voprosy ekonomiki*, 2018, no. 9, pp. 132—142.

Simonyan R. Kh. Krizis liberalno-rynochnoy modeli globalizatsii [The Crisis of the Liberal-market Model of Globalization]. *Voprosy filosofii*, 2018, no. 8, pp. 16—25.

Stolbov M. I. O nekotorykh posledstviyakh vnedreniya blokcheyna [About some Consequences of Blockchain Implementation]. *Voprosy ekonomiki*, 2018, no. 6, pp. 133—145.

Tapscott D. Tekhnologiya blokcheyn: to, chto dvizhet finansovoy revolyutsiei segodnya [Blockchain Revolution by Don Tapscott and Alex Tapscott]. Moscow, 2018. 448 p.

Tikhomirov Yu. A. Upravlenie na osnove prava [Management based on the Law]. Moscow, 2007. 484 p.

Vinya P., Keysi M. Epokha kriptovalyut. Kak bitkoin i blokcheyn menyayut mirovoy ekonomicheskiy poryadok [The Age of Cryptocurrency: How Bitcoin and the Blockchain are Challenging the Global Economic Order]. Moscow, 2018. 432 p.